

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ МУСУЛЬМАН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Шершнева Е. А., Барнаул (Россия)

Работа подготовлена при финансовой поддержке грантов РФФИ №21-011-44027 и Фонда Президента Российской Федерации по поддержке ведущей научной школы (проект №НШ-63.2022.2).

Аннотация: *Во второй половине XIX в. в Российской империи наблюдается процесс реформирования судебной системы, который не мог не затронуть мусульманское население страны, имеющее собственную конфессиональную правовую традицию. Активное вмешательство в жизнь мусульманских народов Западной Сибири привели к ущемлению религиозных прав в рамках светского судопроизводства. Ограничения, накладываемые на приходских мулл, а также отсутствие возможности самостоятельно решать спорные дела общины по мусульманскому закону снижали их авторитет. Мусульманское духовенство было лишено возможности активного отстаивания религиозных прав своих единоверцев в судебных органах. К тому же, во второй половине XIX – начале XX в. были случаи проведения судебных процессов, участниками которых становились сами духовные лица. Таким образом, был установлен контроль за деятельностью мусульманского духовенства даже в области требоисполнения. Нарушение ведения культовой практики стало также делом государственной важности и могло повлечь за собой привлечение муллы к судебной ответственности.*

Ключевые слова: *шариат, суд, мусульмане, мулла, Оренбургское магометанское духовное собрание, Западная Сибирь*

INTERVENTION OF STATE AUTHORITIES IN THE JUDICIAL SYSTEM OF MUSLIMS OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES

Shershneva E. A., Barnaul (Russia)

Abstract. *In the second half of the XIX century in the Russian Empire, there was a process of reforming the judicial system, which could not but affect the Muslim population of the country, which has its own confessional legal tradition. Active interference in the life of the Muslim peoples of the Western Siberia led to the infringement of religious rights in the framework of secular legal proceedings. The restrictions imposed on the parish mullahs, as well as the lack of the ability to resolve controversial issues of the community according to Muslim law independently, that reduced their authority. The Muslim clergy were deprived of the opportunity to actively defend the religious rights of their fellow believers in the judiciary. In addition, in the*

second half of the 19th - early 20th centuries, there were cases of trials, in which the clergy themselves became participants. Thus, control over the activities of the Muslim clergy was established, even in the field of execution of demands. Violation of religious practice also becomes a matter of state importance and could entail bringing the mullah to justice.

Keywords: Sharia, court, Muslims, mullah, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Western Siberia

Во второй половине XIX в. в Российской империи начинается период реформ, которые должны были затронуть все сферы жизни российского общества. Преобразования, происходившие в это время в стране, не могли не коснуться и мусульманского населения. С момента вхождения мусульманских народов в состав российского государства устанавливается контроль за духовной жизнью мусульман. В 1788 г. создается Оренбургское магометанское духовное собрание как государственный орган, задачей которого был контроль за деятельностью мусульманского духовенства. С 1810 г. Оренбургское магометанское духовное собрание переходит в подчинение Министерства внутренних дел, что еще больше закрепило его позиции как органа государственной власти [1, с. 29].

Особое внимание со стороны правительства начинает уделяться судебной системе российских мусульман. Религиозное право контролировалось государственным чиновником в лице муфтия [2, с. 872]. В мусульманской традиции приходские муллы должны были выполнять судебные функции. Однако, мусульманское духовенство было ограничено в гражданских судебных делах. К тому же, само мусульманское духовенство привлекалось к гражданскому суду, если в его действиях усматривалось преступление против государства. Духовный суд в лице Оренбургского магометанского духовного собрания решал вопросы, связанные с нарушением духовных обязанностей священнослужителя [3, с. 174; 4, с. 222–224].

Оренбургское магометанское духовное собрание было судебным органом второй инстанции, куда могли обращаться прихожане, недовольные действиями муллы, чтобы получить удостоверение для суда, основанное на нормах шариата [5, с. 104]. Сюда также обращались и сами священнослужители для решения каких-либо спорных моментов в своей деятельности. Так, например, ахун Семипалатинской казенной мечети просил разъяснить Оренбургское магометанское духовное собрание, какое он должен наложить наказание за незаконное сожительство – по шариату или нет. Свои затруднения он объяснял особой жестокостью мусульманского закона за такое преступление [6,

л. 141–142]. К тому же с 1837 г. за совершение акта прелюбодеяния вводилось светское наказание в виде ареста на срок от 3 до 14 дней [7, с. 38]. Мусульманское духовенство, пользующееся авторитетом среди прихожан и принимающее активное участие во всех делах общины, являлось судом первой инстанции. Муллы привлекались светскими властями для решения судебных тяжб и разбирательств преимущественно в вопросах семейного и наследственного права [8].

Необходимо отметить, что такая роль мусульманского духовенства не устраивала имперские власти, и они стремились ограничить влияние духовных лиц на судебные процессы. Оренбургское магометанское духовное собрание, являясь верховным органом по контролю за мусульманским духовенством, принимало постановления, запрещавшие религиозным служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили законам российского государства. Эти запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм общественной нравственности и порядка, предусмотренных мусульманским правом [9, с. 9]. В первую очередь им запрещалось наказывать мусульман телесно. Нарушение данных предписаний священнослужителем свидетельствовало о привлечении его к гражданскому суду. Данный факт подтверждается делом о жалобе на муллу Каинского округа Томской губернии, поданной в 1893 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание [10]. Оренбургским магометанским духовным собранием как государственным органом в 1875 г. было издано постановление, согласно которому муллам запрещалось исполнять обязанности судей [11, с. 167].

Кроме введения ограничений для мусульманского духовенства при решении судебных вопросов, в отношении мусульманского населения были отмечены притеснения по религиозному признаку со стороны государственных органов. При этом духовенство никак не могло повлиять на проводимую государством политику. О притеснениях подобного рода можно судить, опираясь на архивные данные судебных процессов над мусульманским населением в Западной Сибири.

Наиболее ярким примером такого межконфессионального конфликта и степени участия в нем государственной власти являлась жалоба Бийского приказчика мусульманского вероисповедания на купеческого сына Гилева за оскорбление его вероисповедания в полицейском участке [12]. Органы губернского и полицейского управления всячески стремились прекратить ведение данного дела либо затягивали по нему расследование, хотя законодательно было

закреплено то, что «губернаторы, местная полиция должны предупреждать и пресекать всякие действия, клонящиеся к нарушению должного уважения к вере» [13, с. 97]. В обязанности уездного полицейского правления входила охрана свободы терпимых в государстве вероисповеданий. Однако данное законодательное предписание было проигнорировано, как и привлечение местного духовенства при рассмотрении дел подобного рода [14, с. 90–91].

Кроме судебных дел, связанных с личными оскорблениями представителей других конфессий, правительство привлекало к уголовной ответственности и за «непокорность» царскому правительству. Судебные процессы, связанные с упоминанием царского имени при богослужении в мечети, были продолжительны и неоднозначны [15]. Внимательно следили за исполнением подобных предписаний и представители самой общины. В 1883 г. купцом второй гильдии, проживающим в д. Теплореченской Томской губернии, была подана жалоба на имама деревенской мечети об уклонении им от молитвы за здоровье императора. Несмотря на то, что жалоба была подана в Оренбургское магометанское духовное собрание, оно касалась политической неблагонадежности духовного лица, поэтому дело было передано в волостное правление с целью проведения расследования по данному вопросу [16]. В связи с тем, что законодательно не было закреплено упоминание царских особ при мусульманском богослужении, в 1869 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий был направлен в Оренбургское магометанское духовное собрание на татарском языке запрос о форме упоминания царской фамилии при богослужении [17]. Подобного рода судебные тяжбы осложнялись враждебными отношениями внутри мусульманской общины, тем самым затягивая ведение расследования на длительный срок. Так, например, следствие о политической неблагонадежности имама Томской мечети Хамитова длилось в течение 14 лет [18].

Правительство всячески стремилось контролировать деятельность священнослужителей даже в отношении требосполнения. В полицейское управление передавались расписки имамов о Циркулярном уведомлении выплат за брак и внесения в метрические книги [19]. В 1873 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий просил Оренбургское магометанское духовное собрание предоставить подробное изложение постановлений ислама относительно заключения браков и совершения обрядов бракосочетания. Департамент так же интересовала степень родства вступающих в брак, а также, кто и где должен совершать обряд [20].

С проведением реформ в сфере административного устройства в конце XIX в. возросла роль волостного старшины, обязанности которого были обширны. В частности, он отвечал за выполнение общинниками повинностей, готовил созыв схода и председательствовал на нем. Кроме того, волостные старшины наделялись судебными полномочиями [21, с. 160–161]. В областях, где действовало «Временное положение о крестьянских начальниках», вводились волостные суды, в компетенцию которых входило рассмотрение маловажных дел. Данный суд избирался на волостном сходе по одному судье от каждого сельского общества. Судью предлагалось избирать из инородцев. При этом кандидат должен был пользоваться уважением и быть не моложе 40 лет. Предусматривалось также создание посреднического суда для рассмотрения дел между жителями разных волостей. На посредника в данном случае налагались определенные ограничения. Так, в частности, запрещалось выступать в качестве посредника татарам, башкирам, евреям и служителям инородческих культов. Решение посреднического суда обжалованию уже не подлежало и считалось окончательным [22, с. 110].

Отдельное место в судебной практике Российской империи занимали суды над мусульманами, ведущими проповедническую деятельность среди своих соплеменников. Судопроизводство по данным вопросам было прописано Министерством внутренних дел и свидетельствовало о строгом наказании за отступничество. При этом представители духовенства Русской православной церкви должны были активно принимать участие в таких судебных процессах и предоставлять сведения об увещевании желающего перейти в ислам [23]. Примером этому может служить случай, изложенный в рапорте Алтайскому горному правлению священником Змеиногорской Преображенской церкви, о том, что некий татарин Мухамет Закир Файзов бранил новокрещенных киргизцев (казахов), призывал их оставить православие и вернуться назад в мусульманскую веру. В итоге татарин Мухамет Закир Файзов был взят под стражу и отдан под суд [24].

Таким образом, имперские власти стремились к контролю за судебными процессами над мусульманским населением Российской империи. Несмотря на сложившуюся в мусульманской традиции судебную практику, священнослужителям этой конфессии со второй половины XIX в. запрещалось осуществлять судебную деятельность в своих приходах. В результате муллы сами оказались в подчинении светских судебных органов. Оренбургское магометанское духовное собрание, являясь судебным органом второй инстанции, имело право

только на предоставление разъяснений рассматриваемых дел, касающихся мусульман, по нормам Шариата.

Литература

1. *Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998.
2. Полный свод законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XXXI.
3. *Тихонов А. К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 2008.
4. *Шершинева Е. А.* Позиция государственной власти в отношении мусульманского духовенства Западной Сибири во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета, 2012, №4(76). С. 222–224.
5. *Наганова Н.* Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 101–128.
6. ЦГИА РБ. Ф.259. Оп.3. Д.5746.
7. *Бакиева Г. Т.* Особенности развития судебной системы у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2009, №9. С. 130–140.
8. *Бакиева Г. Т.* Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2003.
9. *Загидуллин И. К.* Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: мат. одноименного науч. семинара, посвящ.220-летию учреждения религиозного управления мусульман Внутренней России и Сибири. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2011. С. 3–11.
10. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.11. Д.600.
11. *Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIXв. Уфа: Гилем, 1999.
12. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.3. Д.6230.
13. Свод законов Российской Империи. СПб.: Деятель, 1912. Т. 14.
14. Свод законов Российской империи. СПб.: Деятель, 1912. Т. т. 2.
15. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.11. Д.309.
16. ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп.3. Д.10821.

17. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.11. Д.130.
18. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.8. Д.871.
19. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.11. Д.528.
20. ЦГИА РБ. Ф.295. Оп.3. Д.7594.
21. *Бакиева Г. Т.* Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2010, № 1(12). С. 156–164.
22. *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – XX вв.). Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986.
23. ИАОО. Ф. 3 Оп. 13. Д. 17959.
24. ГААК. Ф.164. Оп.1 Д.3-в.

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ЗНАЧИМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Широкова Т. К., Москва (Россия)

Аннотация. В статье на основе применения проблемно ориентированного и системного подходов рассматриваются значимые проблемы ухудшения состояния нравственности современного российского общества, начиная с 1997 г. Цель исследования – определить уровень раскрытия понятий «нравственность человека», «общественная нравственность», «нравственность государства» в современной науке, образовании, законодательстве, государственном управлении, судебной системе и сформулировать на этой основе значимые перспективы развития данной проблематики. Автор обращает внимание на аргументацию зарубежных исследователей, подчеркивающих отсутствие единства ценностных ориентиров разных культур, и приходит к существенному выводу необходимости углубления научно-теоретических подходов, перехода от начального этапа дискуссий к результатам значимой интеллектуальной работы, использованию междисциплинарного подхода на стыке философии, юриспруденции, социологии, экономики, психологии и ряда других наук.

Ключевые слова: нравственность, общество, государство, человек, управление, законодательство